

Ниорадзе Георгий Владимирович

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ОСОБЕННОСТИ

Специальность 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва – 2024

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории социологии
социологического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Научный руководитель: **Тощенко Жан Терентьевич**, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Оппоненты: **Барков Сергей Александрович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». г. Москва

Климова Светлана Гавриловна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела теоретического анализа социальных трансформаций Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. г. Москва

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» г. Москва

Защита состоится «25» июня 2024 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 24.2.366.04 на базе ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д.6, ауд.228 (Главный корпус).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «РГГУ» и на официальном сайте организации по адресу:

<https://www.rsuh.ru/dissovet>

Автореферат разослан «20» мая 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат социологических наук

Г.В. Тартыгашева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Российские пенсионеры – одна из многочисленных социальных общностей. На 1 января 2024 г. она насчитывает 41075 тыс. чел., из которых 33380 тыс. чел. являются получателями пенсии по старости¹. При этом численность работающих пенсионеров в возрасте старше трудоспособного составляет 7866 тыс. чел. Данная социальная общность обладает уникальным (отличным от младших поколений) жизненным миром, трудовым опытом, содержит в себе значительные социальные ресурсы. Положение пенсионеров, возможности реализации их потенциала имеют высокую общественную значимость, выходящую за пределы влияния этой общности. Качество и условия жизни пенсионеров как социально уязвимой группы являются одним из ключевых факторов доверия государству, формирующих общественный договор.

В условиях новой социально-демографической реальности, проявляющейся в росте продолжительности жизни и старении населения, пенсионеры являются важным трудовым резервом, вследствие чего происходит трансформация их жизненного мира: прежний идеал «заслуженного отдыха после трудовой жизни» сменился на парадигмы активного долголетия и отложенного старения. Значительная часть пенсионеров вынуждена продолжать трудовую занятость из-за недостаточной социальной поддержки и низкого уровня жизни.

Существенное изменение роли работающих пенсионеров в обществе сопряжено с рядом рисков, угроз, уязвимостей, способных привести их к неустойчивости занятости, отражающихся на их жизненном мире. К ним относятся различные формы эйджизма, стигматизации, недостаточный уровень благосостояния, невозможность или затруднения в профессиональной самореализации и/или ресоциализации после пересечения границы пенсионного возраста. В сложившихся условиях социальное положение пенсионеров

¹ Численность пенсионеров по видам пенсионного обеспечения, состоящих на учете в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62166> (дата обращения: 17.08.2023)

продолжает во многом зависеть от их причастности к трудовой жизни, от реализации их трудового потенциала.

Такое состояние трудовой занятости пенсионеров и возможных перспектив использования их трудового потенциала делает актуальным исследование состояния, тенденций и специфики их трудовой занятости и форм решения этой социальной проблемы.

Об актуальности жизненного устройства, жизненного мира пенсионеров (в т. ч. работающих) свидетельствуют и принятый федеральный проект «Старшее поколение»², концепция политики активного долголетия³. Данная диссертация посвящена тенденциям и специфике занятости работающих пенсионеров в течение 2000-2022 гг. и отдельно в 2017-2022 гг. для выявления эффектов пенсионной реформы.

Степень научной разработанности

В научной литературе имеется несколько направлений исследований трудовой занятости пенсионеров. Первое из них связано с влиянием старших групп населения на экономику и общество. Решается проблема экономических эффектов старения⁴, его влияние на рынок труда и способы преодоления негативных последствий⁵, исследуется региональная специфика старения⁶. Кроме того, определяются общие тенденции в трудовой занятости пенсионеров⁷.

Усиление социально-экономической роли пенсионеров оказывает влияние на особенности конструирования их образа: в общественном сознании⁸, со стороны

² Национальный проект «Демография» // Официальный сайт Министерства Труда России. 2021. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения 28.04.2021).

³ Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 40 с.

⁴ Капелюшников Р. И. Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. 2019. №2. С. 8–63.

⁵ Бараненкова Т. А. Старение населения и его социально-экономические последствия // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. №2. С. 47–64.

⁶ Черешнев В. А., Чистова Е. В. Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. 2017. №12 (471). С. 2206–2223; Воробьева О. Д., Тонких Е. В. Занятость населения России в возрасте старше трудоспособного: региональные вызовы // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2022. № 3/4. С. 18–28.

⁷ Сони́на Ю., Колосни́цына М. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение, 2015, № 2. С. 37–53; Сенюкова О. В. Занятость пенсионеров в России: мифы и реальность // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. №7. С. 109–112.

⁸ Осеев А. А. Социальные функции и социальный портрет пенсионеров в российском обществе. Пенсионеры - особая

работодателей⁹. Предметом исследований выступает такая современная характеристика трудовой занятости пенсионеров, как использование интернета¹⁰. Ряд исследований посвящены жизненному миру пенсионеров, неотъемлемой частью которого является трудовая занятость¹¹.

Другое направление исследований связано с мотивами работы на пенсии¹², трудовыми стратегиями работников старшего возраста и причинами их выбора¹³. Однако полноценная реализация трудового потенциала пенсионеров затруднена эйджистскими практиками, в связи с чем изучается возрастная дискриминация пенсионеров на рынке труда¹⁴, их депривация в трудовой сфере¹⁵.

Неустойчивая¹⁶ занятость, её субъективное восприятие¹⁷ является предметом исследований в возрастном разрезе, включая работников старшего возраста. Вместе с тем некоторые исследования сосредотачиваются целиком на *анализе прекаризации трудовой занятости старшего поколения*. Д. Лэйн рассуждает об «онтологической прекарности» пенсионеров из-за общественного принуждения к максимально длительному продолжению трудовой занятости вкупе с эйджизмом и

социальная группа, составляющая социальной целостности и носитель социальной организации общества // Социология. 2022. №1. С. 123–143.

⁹ Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В. Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. №1. С. 97–112.

¹⁰ Груздева М. А. Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. №4. С. 228–241; Каргузова М. В. Конкурентные стратегии фрилансеров старшего возраста на электронных трудовых платформах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. №2. С. 207–222.

¹¹ Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х - середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. ЦСПиМ, 2016. 367 с.; Цветкова Г.А. Трансформация жизненного мира пенсионеров России // Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. №3. С. 37–49; Китайцева О. В. Социальное положение российских пенсионеров как фактор удовлетворенности жизнью // Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. №3. С. 50–59; Ирсетская Е.А. Практики взаимодействия пенсионеров с ближним окружением // Вестник РГГУ Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. №2. С. 63–70.

¹² Синявская О. В., Червякова А. А., Горват Е. С. Анализ факторов выхода с рынка труда в возрасте 45 лет и старше в России: роль характеристик занятости, смены работы и получения образования // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 2. С. 50–72; Маркеева А. В. Продолжение работы на пенсии: взгляд российских пенсионеров // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №4 (96). С. 32–38.

¹³ Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В. Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. №4. С. 828–843.

¹⁴ Клепикова Е. А., Колосницына М. Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. №1. С. 69–88.

¹⁵ Кошарная Г. Б., Щанина Е. В. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. №3. С. 481–493.

¹⁶ Бобков В. Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. 2019. №2. 97–104.

¹⁷ Кученкова А. В. Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. 2022. №1. С. 101–120.

недостаточными доходами¹⁸. Р. Милкмэн анализирует данные опросов американских работников, выявляя прекаризацию старшего поколения через возрастную дискриминацию (эйджизм)¹⁹. И. А. Григорьева приходит к выводу, что процессу прекаризации подвержены различные группы работников старшего поколения, но наибольший риск – низкоквалифицированные и с низкой трудовой мотивацией²⁰. С. Г. Климова рассматривает процессы перехода пожилых работников в самозанятость, отмечая позитивные стороны (сохранение индексации пенсии, низкие налоги) и прекарные аспекты (нестабильность доходов, отсутствие оплачиваемого отпуска и пр.)²¹. Е. В. Маслова выделяет риски прекаризации для пожилого населения, среди которых ухудшение профессионального статуса из-за возрастной дискриминации, принуждение к увольнению, переход в неформальный сектор²².

Тем не менее, несмотря на широкую представленность трудов, посвященных пенсионерам, всё же недостаточно исследований, содержащих анализ неустойчивости и рисков для трудовой занятости пенсионеров, отражающихся в их жизненном мире. Именно анализ положения старшего поколения нуждается в более детальном рассмотрении, в том числе и под влиянием пенсионной реформы, что говорит о необходимости дальнейшей разработки проблем прекаризации. Отсюда основным вопросом является: как реализовать трудовой потенциал пенсионеров как в интересах всего общества, так и в интересах жизненного мира самих пенсионеров.

Объектом исследования являются работающие пенсионеры.

Предмет исследования – трудовая занятость работающих пенсионеров.

¹⁸ Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S. Understanding older worker precarity: the intersecting domains of jobs, households and the welfare state // Ageing and Society. 2018. V. 39. P. 2219–2241.

¹⁹ Milkman R. The Senior Precariat // New Labor Forum. 2018. V. 27. № 1. P. 44–52.

²⁰ Григорьева И. А. Прекаризация занятости пожилых в современной России / Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке, Нижний Новгород, 15–16 сентября 2014 года. Под ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: ООО "Научно-исследовательский социологический центр", 2014. С. 61–66.

²¹ Климова С.Г. Самозанятые россияне старшего возраста как группа прекариата // Персонал старшего возраста как человеческий капитал современного общества: условия, возможности, ограничения: Сборник материалов дискуссионной площадки VI Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: традиции и новации в социальном развитии регионов» (9 декабря 2021 г., г. Санкт-Петербург) / Под ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 17–24.

²² Маслова Е. В. Занятость пожилых людей: минимизация угроз прекаризации // Социально-трудовые исследования. 2019. № 2(35). С. 29–39.

Целью является выявление основных характеристик, особенностей трудовой занятости и степени её прекаризации у работающих пенсионеров.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть теоретико-методологические основы исследования трудовой занятости работающих пенсионеров;
2. Охарактеризовать социально-экономическое положение работающих пенсионеров;
3. Определить основные показатели трудовой занятости пенсионеров;
4. Выделить характеристики неустойчивости трудовой занятости работающих пенсионеров;
5. Выявить специфические особенности трудовой занятости пенсионеров в возрасте старше трудоспособного.

Научная гипотеза исследования

Основная гипотеза состоит в том, что, несмотря на официальные меры по улучшению трудовой занятости пенсионеров, их прекарное положение продолжает быть основной характеристикой их жизненного мира, усиливая социальное неравенство в российском обществе.

Теоретико-методологическая основа исследования

В соответствии с *конструктивистским подходом* трудовая занятость пенсионеров предстаёт как результат воздействия государственных и частных (бизнес) институтов на работников старших возрастных групп. К этому подходу относятся как меры государственной политики в отношении работающих пенсионеров, так и учёт гибкости рынка их труда. Вместе с тем этот подход не позволяет полноценно включить в анализ самих работников старшего возраста.

В этой связи разработка методологии и анализ эмпирических данных трудовой занятости пенсионеров проходила в рамках социального конструктивизма, согласно концепции «*социологии жизни*» (Ж. Т. Тощенко). Центральным понятием социологии жизни является «жизненный мир». В соответствии с этой концепцией изучение трудовой занятости пенсионеров сочетает в себе как объективные характеристики трудовой занятости пенсионеров,

так и субъективные оценки своего трудового положения.

В процессе изучения трудовой занятости пенсионеров применялись логический и сравнительный анализ, методы группировок и вторичного анализа результатов социологических исследований и статистических данных.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили:

1. Исследования, проведенные с участием автора.

1.1. Всероссийское исследование трудоспособного населения «РГГУ Прекариат 2018-2022» (Прекариат-2018-2022). Методом формализованного интервью на основе общероссийской репрезентативной выборочной совокупности трудоспособного населения было опрошено 1200 человек, среди которых 122 респондента в возрасте 55+ лет. (Прекариат-2018-2022)

1.2. Экспертный опрос «Рынок труда, миграционные процессы, социальное государство в условиях демографического старения» (Э-2023). Сбор данных методом онлайн-анкетирования с использованием полужормализованной анкеты производился в марте-июне 2023 г. В опросе приняли участие 18 российских и зарубежных экспертов в сфере демографического старения. (Э-2023)

2. Данные других исследований:

2.1. Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ-2022), проводимое ФСГС (Росстат) в 2022 г. во всех субъектах РФ с охватом 60 тыс. домохозяйств. Было опрошено 123201 респ., из которых лиц в возрасте старше трудоспособного – 4962 респондента. Для сравнения используются данные за 2020 г. (127456 респ., из которых работающих лиц в возрасте старше трудоспособного – 5970 респ.) и 2018 г. (130610 респ., из которых работающих лиц в возрасте старше трудоспособного – 7096 респ.). (КОУЖ-2022)

2.2. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)²³ (РМЭЗ-2022). Исследование проводилось в 2022 г. (31 волна) методом формализованного интервью. Общероссийская

²³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>)

репрезентативная выборка (по индивидам) – 11979 респ., из которых работающих лиц в возрасте старше трудоспособного – 537 респ. Для сравнения используются данные за 2020 г. (12120 респ., из которых работающих лиц в возрасте старше трудоспособного – 624 респ.) и 2018 г. (12161 респ., из которых работающих лиц в возрасте старше трудоспособного – 709 респ.). (РМЭЗ-2022)

2.3. Всероссийский опрос «Дискриминация по возрасту» (ФОМ-2020). Сроки проведения исследования: 9–11 октября 2020 г. Метод опроса — формализованное интервью, охватившее 1000 респ. в возрасте от 18 лет. (ФОМ-2020)

2.4. Всероссийский опрос «Работа на пенсии: за и против» (ВЦИОМ-2020). Сроки проведения исследования: 01.09.2020. Метод опроса — формализованное интервью, охватившее 1600 респ. в возрасте от 18 лет. (ВЦИОМ-2020)

2.5. Всероссийский опрос «Активная жизнь на пенсии» (ВЦИОМ-2021). Сроки проведения исследования: 18.05.2021. Метод опроса — формализованное интервью 1600 респ. в возрасте от 18 лет. (ВЦИОМ-2021)

2.6. Всероссийский опрос «Жить долго, жить хорошо!» (ВЦИОМ-2023). Сроки проведения исследования: 10.06.2023. Метод опроса — формализованное интервью 1600 респ. в возрасте от 18 лет. (ВЦИОМ-2023)

3. Всероссийские статистические данные (Росстат, ООН, ЦБ и пр.), описывающие демографические и экономические особенности положения пенсионеров в течение 2000-2022 гг. (разделы «Население» («Численность и состав населения»), «Труд» («Занятость и безработица»), «Уровень жизни населения» «Доходы населения», «Пенсионное и социальное обеспечение», «Социально-экономическая дифференциация населения по доходам» и др. Данные за 2017-2022 г. по половозрастной структуре, неформальной занятости, видам экономической деятельности и группам занятий работников старше трудоспособного возраста получены по официальному запросу в ФСГС.

Научная новизна диссертационного исследования отражена в **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Хотя государственная политика активного долголетия, реализуемая в

рамках национального проекта «Демография» (федеральный проект «Старшее поколение»), предлагает широкий набор мер для вовлечения пенсионеров в трудовую занятость, одновременно с этим работающие пенсионеры систематически дискриминируются: отменена индексация пенсии работающим пенсионерам, некоторые региональные льготы (например, бесплатная санитарно-курортная путёвка в г. Москве) недоступны при сохранении трудовой занятости. Кроме того, зафиксирована девальвация стоимости труда пенсионеров, поскольку заработная плата пенсионеров растёт медленнее, чем у других возрастных групп. При этом значительно увеличилось количество отработанного времени пенсионерами. Дискриминация пенсионеров ведёт к ухудшению качества их жизни, что отражает несовершенство социальной политики в сфере занятости.

2. В динамике 2017-2022 гг. происходит постепенное вытеснение пенсионеров из сфер с традиционно большим государственным участием в коммерческий сектор, в частности в сферу торговли и услуг, характеризующуюся прекарностью. Наибольшим образом вытеснение затрагивает мужчин, усиливаясь при этом дополнительно из-за вытеснения их с позиций руководителей и специалистов высшего уровня квалификации. Более позитивная картина складывается в отношении женщин: значительно возросла их доля среди высококвалифицированных специалистов. Гендерный дисбаланс вызван особенностью пенсионной политики, предполагающей более поздний выход мужчин на пенсию, несмотря на низкий показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (менее 60 лет в 2022 г.).

3. Предложена классификация пенсионеров по типу неустойчивой занятости. Для этого использованы 6 признаков прекарности: 1) нестандартность места работы (работа не на предприятии, не в организации), 2) неофициальная занятость (работа без трудового договора), 3) неполная занятость, 4) непостоянная занятость (смена работы или перерывы в работе в течение года), 5) переработка (более 45 ч. в неделю), 6) несоответствие квалификации труду. В результате распределения пенсионеров по уровню прекарности занятости на основе данных всероссийского исследования выделены три группы пенсионеров,

характеризующихся отсутствием неустойчивости (43,5%), низкой неустойчивостью (40,3%), средней неустойчивостью (10,6%), высокой неустойчивостью занятости (5,6%).

4. Повышение неустойчивости занятости работников-пенсионеров сопряжено с увеличением удельного веса мужчин. Зафиксирована небольшая тенденция увеличения неустойчивости занятости по мере старения. Среди прекаризованных работников-пенсионеров менее распространена занятость на основе бессрочного трудового договора и более распространена неофициальная занятость без оформления трудовых отношений. При этом прекаризованные работники значительно реже работают по специальности, чаще заняты тяжёлым физическим трудом.

5. Прекаризованные пенсионеры менее удовлетворены надёжностью работы, условиями труда, карьерными возможностями, полезностью своего занятия. При этом нарастание уровня неустойчивости коррелирует с ухудшением оценок своего социального положения. Следовательно, прекаризация трудовой занятости, выявляемая по признакам неустойчивости, приводит к прекаризации жизненного мира.

6. Выявлена парадоксальная особенность жизненного мира работающих пенсионеров: прекаризация занятости, несмотря на уменьшение удовлетворённости трудом, приводит к существенному снижению нервной нагрузки на работе.

7. Один из современных признаков прекаризованности – неиспользование интернета в трудовой занятости. Существенно ущемлёнными оказываются группы пенсионеров, которые не обладают компьютерными навыками для работы («консерваторы»): среди них ниже средний доход, реже неофициальные выплаты, хотя продолжительнее средний рабочий день. Это отображается на значениях социально-психологических шкал: консерваторы ощущают себя беднее, бесправнее и менее уважаемыми, нежели «новаторы» (использующие интернет в рабочих целях). При этом самозанятость, часто принимающая форму гиг-экономики, несёт в себе возможности для работающих

пенсионеров, поскольку позволяет продолжать трудовую занятость, самостоятельно определять график работы, а также сохранять право на индексацию пенсии и льготы.

Теоретическая значимость исследования заключается в интерпретации трудовой занятости пенсионеров на основе концепции социологии жизни посредством анализа объективных условий (социально-экономическое положение) и субъективных факторов (удовлетворенность своим профессиональным и социальным положением).

Практическая значимость

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования механизмов регулирования занятости на рынке труда, а также социальной защиты работающих пенсионеров. Положения диссертационной работы применимы для чтения курсов «экономическая социология», «социология труда», «социальная структура».

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается за счёт сочетания конструктивистского подхода, релевантных методов исследования, применения современных методик обработки социологической информации.

Апробация диссертационного исследования

Основные положения и результаты исследования нашли отражение и были апробированы:

а) На научных конференциях, форумах и круглых столах: 1) Всероссийская научная конференция XV Ковалевские чтения «Социолог: образование и профессиональные траектории» (Санкт-Петербург, 2021 г.), 2) Международная научно-практическая конференция «Старшее поколение современной России» (Нижний Новгород, 2021 г.), 3) Всероссийская научно-практическая конференция «Российское общество в период глобальной турбулентности» (Москва, 2022 г.), 4) Всероссийский молодёжный форум «Наука и будущее России глазами молодёжи» (Москва, 2022 г.), 5) XXI Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Социологический нарратив 2022» (Москва, 2022 г.), 6) VI Санкт-

Петербургский Международный Форум Труда (Санкт-Петербург, 2022 г.), 7) Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023» (Москва, 2023 г.), 8) XXII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Социологический нарратив 2023» (Москва, 2023 г.), 9) Международная научно-практическая конференция «Демографическое старение населения: вызовы, угрозы и тенденции развития в XXI веке» (Москва, 2023 г.), 10) II Всероссийская научная конференция с международным участием «Отложенное старение во времена постковида и неопределенности» (Санкт-Петербург, 2023 г.) и др.

б) в НИР, финансируемых по принципу грантов: 1) Проект РНФ 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» (2018-2022 гг.); 2) Проект РНФ 22-28-01549 «Тренды и перспективы демографического старения и миграции населения в мире и России» (2022-2023 гг.).

в) в 15 научных публикациях, из которых: 4 статьи в научных журналах из перечня ВАК РФ, 4 главы в рецензируемых коллективных монографиях, 7 публикаций в научных изданиях из перечня РИНЦ.

Структура работы состоит из введения, 3 глав, включающих 10 параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений. Основное содержание работы изложено на 128 страницах (с приложениями – на 151 страницах).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *введении* обосновывается актуальность выбранной темы, определяются степень её научной разработанности, объект, предмет, цель и задачи исследования, исследовательская гипотеза, теоретико-методологические основы исследования, эмпирические и информационные источники, научная новизна, основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, обосновывается достоверность работы, описывается апробация работы.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ

1.1. Занятость пенсионеров как объект социологического исследования.

Преобладающими направлениями исследований трудовой занятости пенсионеров являются экономический и социологический подходы. Экономический подход предполагает, в первую очередь, анализ объективных процессов в контексте занятости работников пенсионного возраста, осуществляемый в том числе в таких терминах, как человеческий капитал, трудовой потенциал (А. В. Топилин, Г. В. Леонидова, Е. А. Россошанская, А. В. Попов и др.). Экономический подход представлен множеством направлений, одним из наиболее крупных является демографический подход, сосредотачивающийся на взаимосвязях экономических показателей и старения населения (А. В. Кашепов, Р. И. Капелюшников, В. Г. Доброхлеб, Н. А. Кондакова, А. Л. Сафонов, К. В. Угодников и др.).

Особенностью социологического подхода является учёт жизненного мира человека, то есть его реально функционирующего общественного сознания, социальных действий и деятельности в условиях социальной среды (Ж. Т. Тощенко). Исследования жизненного мира российских пенсионеров фокусируются не только на занятости пенсионеров, однако описывают также условия жизни, жизненные смыслы работающих и неработающих пенсионеров в различном социальном контексте на материалах всероссийских исследований (Г. А. Цветкова, О. В. Китайцева, Е. А. Ирсетская), социально-психологическое значение работы для пенсионеров (П. М. Козырева, А. И. Смирнов), выводы уточняются в компаративных исследованиях (С. А. Барков, А. В. Маркеева, И. В. Колодезникова, Ю. Минь). При этом отдельное направление исследований связано с влиянием прекаризации на занятость как часть жизненного мира пенсионеров (И. А. Григорьева, С. Г. Климова, Е. В. Маслова, Д. Лэйн, Р. Милкман и др.).

1.2. Методология исследования трудовой занятости российских пенсионеров.

Для оценки динамических изменений используются такие показатели, как абсолютный прирост, темп (при-)роста, среднегодовой темп (при-)роста демографических индикаторов, заработных плат, рабочего времени и др. Отдельное направление анализа связано с выявлением неустойчивости занятости пенсионеров. По итогам анализа литературы и эвристических возможностей инструментариев всероссийских исследований были выделены критерии для выявления неустойчивости труда среди работников пенсионного возраста (таблица 1).

Таблица 1. Критерии определения неустойчивости занятости работающих пенсионеров (КОУЖ-2022).

Индикаторы неустойчивости занятости
<i>Нестандартность места работы</i> (работа не на предприятии, не в организации)
<i>Неофициальная занятость</i> (работа без трудового договора)
<i>Неполная занятость</i>
<i>Непостоянная занятость</i> (смена работы или перерывы в работе в течение года)
<i>Переработка</i> (45 и более часов)
<i>Несоответствие квалификации труду</i> (имеются навыки для выполнения более сложной работы)

Источник: составлено по итогам отбора индикаторов неустойчивости на основе данных КОУЖ-2022.

На основе критериев работающие пенсионеры распределены по уровню неустойчивости: при наличии одного прекарного признака – «низкая неустойчивость», два прекарных признака – «средняя неустойчивость», три и более прекарных признака – «высокая неустойчивость».

Для более полного определения характеристик трудовой занятости работающих пенсионеров (в т. ч. с точки зрения их неустойчивости) требуется анализ демографических и социально-экономических показателей.

Глава 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕНСИОНЕРОВ

2.1. Демографические особенности пенсионеров и работающих пенсионеров.

Общая численность пенсионеров до начала пенсионной реформы в 2019 г. составляла 46480 тыс. чел. Однако с 2020 г. их численность стала уменьшаться и достигла в 2022 г. 44682 тыс. чел. Основным драйвером изменений является самая

крупная категория пенсионеров – пенсионеры по старости, чья численность в 2019 г. составляла 36710 тыс. чел., а в 2022 г. – 34638 тыс. чел.

Рост доли пожилых в структуре населения (2000 г. - 20,7%, 2019 г. - 25,9%, 2022 г. - 24%) повышает демографическую нагрузку на население. С 2000 г. и до начала пенсионной реформы (2019 г.) *коэффициент демографической нагрузки пожилыми* возрос с 350 чел. до 467 чел. на 1 тыс. трудоспособного населения, снизившись в 2022 г. до 418 чел. на 1 тыс. трудоспособного населения. Однако номинальное соотношение возрастных групп не отражает социально-экономической роли различных демографических групп. *Коэффициент демографической нагрузки неактивными* (отношение численности лиц, не входящих в состав рабочей силы, к рабочей силе) показывает противоположную динамику: увеличение активности пожилых привело к тому, что с 2000 г. (528 чел. на 1 тыс. лиц от численности рабочей силы) данный коэффициент снижался, достигнув в 2016 г. 438 чел. на 1 тыс. лиц от численности рабочей силы. В дальнейшем изменение методики Росстата (с 2017 г. к рабочей силе относятся все работники старше 15 лет, а не лица в возрасте 15-72 лет) осложняет сравнения с последующим периодом.

2.2. *Характер и содержание трудовой занятости пенсионеров.*

Решение о продолжении или возобновлении трудовой занятости зависит от мотивации. По данным ВЦИОМ-2020, наряду со значимостью личного материального обеспечения (74%) важным фактором является возможность оказывать финансовую поддержку своим родственникам (56%). Ещё один мотив трудовой занятости также является следствием социальной уязвимости старшего поколения, поскольку связан с поиском социальной коммуникации, чтобы избежать социальной эксклюзии (32%). Профессиональный интерес к работе располагается лишь на четвёртом месте (19%), что во многом связано с переходом на низкоквалифицированные позиции. Следовательно, несмотря на пропаганду активного долголетия, *работа в пенсионном возрасте главным образом вызвана не идеалами активности, а следствием недостаточной социальной защищённости – низким уровнем пенсионных и социальных выплат, не позволяющих поддерживать*

приемлемый уровень жизни. Однако при этом, по данным Прекариат-2018-2022, с возрастом увеличивается доля тех, кому важен интерес в работе по профессии (50-54 лет – 20%, 55+ лет – 36,9%), что объясняется тем, что большинство незаинтересованных в своей работе покидают рабочие места сразу или вскоре после получения права на пенсию.

Численность рабочей силы и уровень занятости работников в пенсионном возрасте нестабильны: количество работающих пенсионеров в системе ПФР и по данным выборочных и сплошных обследований Росстат серьёзно расходилось, достигнув к 2016 г. почти двукратного разрыва (14199 тыс. чел. против 7241 тыс. чел. соответственно). По данным ПФР, в 2017 г. произошло резкое сокращение абсолютной численности работающих пенсионеров (с 14199 тыс. чел. до 8791 тыс. чел). Однако анализ показал, что именно *ввиду актуализации базы данных ПФР проявилось «сокращение» численности работающих пенсионеров до реальных величин, приближенных к Росстату.*

По данным Росстат, в 2017-2022 гг. проявляется следующая динамика изменений возрастной структуры работающих пенсионеров: общая численность пенсионеров сократилась с 7245 тыс. чел. до 6504 тыс. чел., то есть на 741,5 тыс. чел. (-10,2%). При этом среди мужчин 60-64 лет сокращение составило (-16,7%), а среди женщин (56,5-59 лет) – -31,5%. Следовательно, *проведение пенсионной реформы в ≈2 раза сильнее отразилось в снижении занятости женщин, нежели мужчин (среди младшей пенсионной группы), что продиктовано разной продолжительностью трудового стажа:* так, медианный возраст работающего мужчины пенсионного возраста составляет 64 года, тогда как женщины – 61 год.

2.3. Динамика занятости пенсионеров по видам экономической деятельности и группам занятий.

По данным Росстат, в 2022 г. наиболее характерны для пенсионеров были следующие виды экономической деятельности: образование (15,9%), деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (13,2%), обрабатывающие производства (12,7%), что осталось неизменным с 2017 г. В период 2017–2022 гг.

возрастает доля пожилых, занятых такими видами экономической деятельности, как сфера торговли и услуг (+0,7 п.п.), транспортировка и хранение (+0,6 п.п.), сельское и др. хозяйства (+0,5 п.п.). При этом сокращается в целом доля занятых в пенсионном возрасте в сферах с высоким государственным участием: госуправление и обеспечение военной безопасности (-0,5 п.п.), здравоохранение (-0,4 п.п.), обеспечение электрической энергией, газом и паром (-0,4 п.п.). *Другими словами, пенсионеры стали чаще находить ниши приложения своего труда в коммерческих секторах, что увеличивает риск их неустойчивости, поскольку сфера торговли и услуг является одной из наиболее прекаризованных.*

Происходит вытеснение мужчин в сферах образования (-1,6 п.п.) и науки (-0,7 п.п.), являющихся наиболее релевантными для работы в старшем возрасте, поскольку они обеспечивают сохранность статуса (учёная степень, учёное звание), используют опыт многолетней работы, возможности реализации потенциала наставничества. Более того, именно среди мужчин зафиксировано заметное сокращение руководителей (-3,1 п.п.) и специалистов высшего уровня квалификации (-1,8 п.п.). В то время как доля женщин-руководителей сократилась (-2,2 п.п.), однако существенно приросла доля высококвалифицированных специалистов (+4,2 п.п.), следует из данных Росстат.

2.4. Формы неустойчивой (прекарной) занятости как специфический показатель жизненного мира пенсионеров.

На основе данных КОУЖ-2022 работники классифицированы по степени неустойчивости: неустойчивость отсутствует (43,5%), низкая неустойчивость (40,3%), средняя неустойчивость (10,6%), высокая неустойчивость (5,6 %). Итак, большинство пенсионеров исключены из тяжёлых форм прекаризации трудовой занятости.

По итогам рассмотрения особенностей прекаризации в 2022 г. выявлены **факторы прекарности** по следующим основаниям:

В гендерном разрезе обнаружено, что по мере увеличения неустойчивости возрастает доля мужчин (среди устойчиво занятых работников мужчин – 27,9%,

среди работников со средней неустойчивостью – 34,7%, в группе высокой неустойчивости – 39,9%), хотя существенных различий в прекарности между мужчинами и женщинами не зафиксировано (7,5% наиболее прекаризованных мужчин и 4,7% женщин-пенсионеров) (КОУЖ-2022).

Выявлено нарастание прекаризованности *по мере старения*: среди лиц в возрасте 57-59 лет – 3,5% наиболее прекаризованных работников, а среди лиц 70 и более лет – 9,5%.

Взаимосвязь неустойчивости занятости с *уровнем образования* неоднозначна: наибольшая доля лиц с высшим образованием среди работников с низкой неустойчивостью 36% против 28,9% среди устойчиво занятых и 21,4% - наиболее прекаризованных. Отсутствие существенных различий вызвано тем, что занятость в пенсионном возрасте часто сопряжена с переходом на низкоквалифицированные позиции (42,9% пенсионеров-работников заявляют о наличии навыков для выполнения более сложной работы).

Неустойчивость занятости связана со статусом работодателя: она выше при работе у индивидуального предпринимателя (28,6%), частных лиц (26,1%) или самозанятым (25,4%).

Тип занятости по способу оформления трудовых отношений дифференцирует высокий уровень прекарности: так, 84,7% наиболее прекаризованных пенсионеров работают на основе устных договорённостей (неофициальная занятость).

Тип занятости по рабочему графику: неполная (34,9%) и гибкая занятость (53,5%) широко распространена среди работников с высокой неустойчивостью.

(Не-)соответствие работы специальности: если среди устойчивых работников-пенсионеров работают по специальности 44,2%, то среди лиц с высокой неустойчивостью в $\approx 2,6$ раз меньше – 16,8%. Более того, среди наиболее прекаризованных работников-пенсионеров 85,9% вообще не проходили какого-либо обучения для текущей работы. В итоге почти 1/4 (23,9%) прекаризованных пенсионеров заняты тяжёлым физическим трудом, что особенно усиливает

неустойчивость работника в пожилом возрасте из-за ослабевающего здоровья (КОУЖ-2022).

В конечном счёте перечисленные показатели отражаются на жизненном мире работающих пенсионеров. Так, зафиксировано снижение **социально-психологических характеристик** по мере роста неустойчивости: удовлетворённости надёжностью работы (вполне удовлетворены 85% среди устойчиво занятых и 59% среди работников с высокой неустойчивостью), выполняемыми обязанностями (86% против 76%), условиями труда (88% против 72%), рабочим процессом (81% против 66%), полезностью дела (85% против 75%), что следует из рисунка 1 (КОУЖ-2022). **Выявленная зависимость между снижением удовлетворённости рабочими аспектами и ростом неустойчивости подтверждает, что признаки неустойчивости находят отражение в социальной реальности, определяя качество трудовой занятости исследуемых работников в пенсионном возрасте.** При этом некоторой компенсацией высокой прекаризованности выступает возможность избегать стрессов (не испытывают стресс устойчиво занятых работников - 32,8% против 51,1% среди лиц с высокой неустойчивостью). То есть переход на прекарные позиции парадоксальным образом приводит к уменьшению стресса, несмотря на снижение удовлетворённости трудом.

Рисунок 1. Распределение работающих пенсионеров по степени удовлетворённости различными аспектами трудовой занятости и уровнем неустойчивости, %.

Источник: КОУЖ-2022.

Данные КОУЖ-2022 (рисунок 2) свидетельствуют об отсутствии существенных изменений, однако в 2022 г. наблюдается небольшое снижение неустойчивости после пика в 2020 г., связанного с пандемией: в 2020 г. какими-либо признаками неустойчивости обладали 62,7%, а в 2022 г. – 56,5%. В то же время наиболее прекаризованная группа работников практически не изменилась в долях, несмотря ни на пандемию, ни на пенсионную реформу. Наиболее заметным фактором сокращения неустойчивости в 2022 г. была непостоянность занятости (-10,2 п.п.), вызванная в 2020 г. ограничительными мерами в целях противодействия распространению COVID-19. Кроме того, обнаруживается снижение переработки (-3,2 п.п.), что может быть вызвано старением рабочей силы в возрасте старше трудоспособного из-за повышения пенсионного возраста, что приводит к тому, что постаревший контингент менее склонен работать сверхурочно. Вдобавок к этому тенденция к сокращению переработки усиливается (-5,3 п.п.) в более длительной динамике – 2018-2022 гг., что свидетельствует в пользу предположения об эффекте пенсионной реформы.

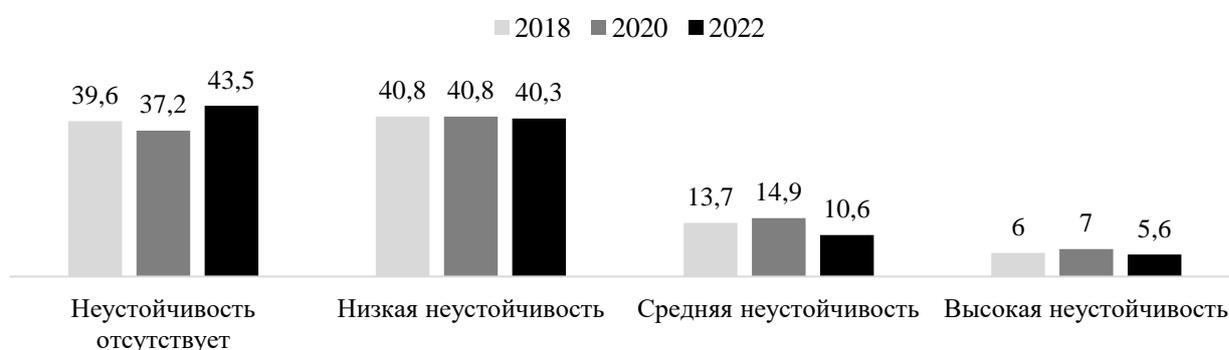

Рисунок 2. Динамика уровней неустойчивости на основе данных КОУЖ (2018-2022 гг.), %.
 Источник: КОУЖ (2018 г., 2020 г., 2022 г.).

2.5. *Уровень благосостояния работающих пенсионеров.*

Трудовая занятость пенсионеров осуществляется в условиях сокращения потенциала пенсионных выплат как средства влияния на качество жизни: в 2022 г. коэффициент замещения продолжил падение до 27,3%; последовательно сокращается соотношение среднего размера пенсии и прожиточного минимума (с 176,5% в «рекордном» 2012 г. до 148,9% в 2022 г.). В этой связи для пенсионера

обостряется необходимость в трудовой занятости в целях поддержания материального благосостояния.

Однако обращает на себя внимание темп роста заработной платы по возрастным группам в 2017-2021 гг., рассчитанный на данных ФСГС: 20-24 лет – 151%, 25-29 лет – 155%, 30-34 лет – 151%, 35-39 лет – 150%, 40-44 лет – 151%, 45-49 лет – 151%, 50-54 лет – 146%, 55-59 лет – 141%, 60-64 лет – 142%, 65 лет и выше – 140%. Таким образом, за одинаковый период рост заработной платы в пенсионных возрастных группах отставал от других возрастных групп.

В то же время анализ количества отработанных рабочих часов по возрастным группам показал возрастание вклада работников пенсионного возраста в общую структуру рабочего времени (ФСГС). Несмотря на общее сокращение количества отработанных часов (-7246 тыс. человеко-часов) среди возрастной группы 60-69 лет, зафиксирован прирост 39002 тыс. человеко-часов. При этом ряд групп показывают сокращение (до 20 лет и 20-29 лет). *Такая тенденция свидетельствует не просто об увеличении вклада пенсионеров в занятость, но и о перераспределении трудового бремени в пользу старших возрастных групп.*

Итак, несмотря на значительное усиление роли пенсионеров в трудовой занятости, существенное увеличение времени их работы, наблюдается сокращение относительных показателей пенсионных и трудовых доходов пенсионеров. Следовательно, *такая социальная общность, как работающие пенсионеры, испытывают на себе различные формы дискриминации.*

2.6. Общественная оценка роли труда пенсионеров.

Среди россиян доминирует мнение, что пенсионеры живут хуже остальных возрастных групп (43%) (ФОМ-2020). В отношении к трудовой занятости пенсионеров зафиксированы следующие мнения: поддерживают добровольное желание работать на пенсии 45% россиян, хотя при этом необходимость работать в старости вызывает сочувствие у 23% или компромиссные чувства у 20%. Откровенно эйджистские нарративы распространены незначительно: согласны с утверждением, что пенсионеры мешают молодым сотрудникам – 8%, а доля

сторонников принуждения к работе в старости составляет всего 3% (ВЦИОМ-2023). В то же время 55% россиян известны случаи отказа в трудоустройстве из-за пожилого возраста, тогда как из-за молодого возраста – 29% (ФОМ-2020).

При этом основной проблемой старости называется бедность как результат недостаточной социальной поддержки (61%), после чего с большим отставанием следуют проблемы со здоровьем (40%), дефицит цифровых навыков (25%). Следовательно, *основное отношение к пенсионерам – сочувствующая геронтофобия* (страх постареть и оказаться в таких же тяжёлых жизненных условиях).

С одной стороны, пенсионеры в настоящее время значительно увеличивают свой вклад в трудовую занятость, что подтверждается результатами экспертного опроса (Э-2023). Государство регулярно принимает нормативно-правовые акты, направленные на повышение качества жизни работающих пенсионеров (к примеру, федеральный проект «Старшее поколение»). С другой стороны, в реальности обнаруживаются дискриминационные обстоятельства, свидетельствующие о негативном восприятии общности пенсионеров. Представители финансово-экономического блока и законодательной власти позиционируют работающих пенсионеров как бремя для экономики: об этом свидетельствуют публичное недовольство патернализмом («иждивенчеством» пенсионеров, не соответствующим «современной» рыночной экономике), отмена индексации пенсии работающим пенсионерам, лишение их части льгот при продолжении трудовой занятости, попытки решить демографические проблемы в сфере науки и образования за счёт вытеснения пенсионеров.

Глава 3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ ПЕНСИОНЕРОВ

В данной главе приводятся результаты анализа роли интернета в трудовой занятости пенсионеров и феномена гиг-экономики для лиц старшего возраста.

3.1. Роль интернета в трудовой занятости пенсионеров.

Интернет – новая реальность, затрагивающая трудовую занятость пенсионеров. Среди них выделены «новаторы» (пользуются интернетом в рабочих целях) и «консерваторы» (обходятся без интернета для выполнения работы). По данным РМЭЗ, в динамике 2016–2022 гг. первые составляют 60-65%. Особая группа работников пенсионного возраста (ядро «новаторов») – работающие из дома (13,4%).

Переход к использованию интернета (для возрастного работника) во многом связан не с ролью интернета в трудовой занятости, а с исходной дифференциацией профессионально-квалификационного статуса. Так, разрыв между «новаторами» и «консерваторами» по удельному весу работников с высшим образованием составляет 30,3 п.п. В этой же связи среди «новаторов» значительно больше специалистов высшего уровня квалификации (39,2%), чем среди «консерваторов» (8%). В результате навыки использования интернета приводят к существенной дифференциации трудовых доходов «новаторов» и «консерваторов» (медианные значения - 30 тыс. руб. и 21 тыс. руб. соответственно). При этом интернет выступает показателем более высокого качества трудовой занятости. Так, например, неофициальные выплаты более характерны для «консерваторов» (16,6%), нежели для «новаторов» (4,9%). Дифференциация проявляется и в средней продолжительности рабочего дня: среди «консерваторов» 10,5 ч. против 8,7 ч. среди «новаторов» (РМЭЗ-2022). Вместе с тем, как отмечено выше, зафиксировано существенное различие в зарплатах, то есть более продолжительная длительность рабочего дня не позволяет компенсировать разницу в доходах. В результате среди наиболее прекаризованных работников компьютерную технику используют 31,4%, а среди устойчиво занятых – 47,9% (КОУЖ-2022).

В конечном счёте разница в качестве трудовой занятости между «новаторами» и «консерваторами» отображается на социально-психологических характеристиках: среди «новаторов» полностью удовлетворены работой 31,8%, среди «консерваторов» – 22,5%. «Консерваторы» ощущают себя беднее (4,33 против 4,01 среди «новаторов»), бесправнее (4,34 против 3,92 среди «консерваторов») и менее уважаемыми (7,03 против 6,46) (РМЭЗ-2022). Следовательно, «консерваторы», сталкивающиеся с дефицитом цифровых навыков, оказываются в гораздо более

уязвимом, прекарном положении, являющимся негативной характеристикой их жизненного мира.

3.2. Гиг-экономика – новое поле трудовой занятости пенсионеров.

«Гиг-экономика» («экономика подработок») - одно из проявлений флексибилизации трудовой занятости, выражающееся в выполнении различных (разовых/повторяющихся) проектов, иногда с использованием интернет-платформ. По данным официальной статистики, в 2022 г. участвовали в платформенной занятости 3,5 млн чел., из которых 127 тыс. чел. старше 60 лет, или 3,6% от общего числа.

Флексибилизация имеет неоднозначное влияние на рынок труда в целом и на старшие возрастные группы работников в частности. Гиг-экономика несёт в себе риски вынужденного перевода пенсионеров в самозанятость (лишь 10% пенсионеров хотели бы стать самозанятым и/или фрилансером) с целью сокращения издержек, поскольку снимает социальную ответственность работодателя перед работниками (социальные гарантии, соблюдение рабочего графика и т. п.), что особенно важно для возрастного работника, более зависимого от проблем со здоровьем.

Социальная уязвимость гиг-работников пенсионного возраста проявляется в рисках кибермошенничества: согласно возрастной характеристике жертв кибермошенничества, лица в возрасте 60 лет и старше - 27%, 50–59 лет – 20%, то есть старшие возрастные группы – основной объект мошенничества (по данным ЦБ РФ). Кроме того, стресс пенсионеров проявляется из-за нестабильности рабочих отношений и непостоянства количества заказов, что приводит к повышенной самоэксплуатации. Существенная уязвимость проявляется и в необходимости адаптации к работе с компьютером, что остаётся проблемой для многих работающих пенсионеров, несмотря на распространение интернета среди них (50% лиц старше 60 лет никогда не пользовались компьютером). Наконец, самозанятость – неоднородна, то есть работники могут быть заняты умственным и физическим

трудом. В этой связи есть риск, что при переходе в гиг-экономику пенсионер будет вынужден заниматься работой, не соответствующей его квалификации.

В то же время пенсионеры – специфическая социально-демографическая группа, в которой тенденции рынка труда сказываются своеобразно. Во-первых, несмотря на повышенную уязвимость пенсионеров, меры по их социальной защите более гарантированы, нежели у более молодых категорий (отмечаемый респондентами недостаток от перехода к самозанятости - отсутствие социального пакета - 44%). Государственная поддержка пенсионеров значительно нивелирует отсутствие социальных гарантий гиг-работников, обеспечивая их стабильным («базовым») доходом и немонетарными льготами. Во-вторых, гиг-экономика позволяет получить источник трудовых доходов в условиях дискриминации при трудоустройстве в рамках традиционной занятости: 43% пенсионеров, кто когда-нибудь искал работу, сталкивались с отказом из-за возраста или проблем со здоровьем. В-третьих, доступ к альтернативной рынку труда платформе позволяет пройти трудовую ресоциализацию и реинтегрироваться в новую трудовую реальность. В-четвёртых, гибкость трудовой занятости позволяет сочетать активность труда с особенностями здоровья пенсионера. Наконец, в-пятых, фискальная политика государства способствует самозанятости среди пенсионеров: налоговая льгота (10 тыс. руб.) и статус неработающего пенсионера, что позволяет сохранить индексацию пенсии и социальные льготы.

Итак, флексибилизация трудовой занятости, проявляющаяся в том числе в гиг-экономике, несёт в себе положительные и негативные черты, однако в ряде случаев является позитивной трудовой траекторией работника пенсионного возраста.

В *Заключении* делаются основные выводы и предлагаются следующие рекомендации. Несмотря на усиление трудовой роли пенсионеров, современная политика в отношении работающих пенсионеров, продиктованная повышением демографической нагрузки и ростом дефицита рабочей силы, направлена фактически на ограничение прав и дискриминацию работающих пенсионеров,

обостряя их онтологическую прекарность ввиду ущемлённого социального положения, проблематичности трудовой занятости, неясных жизненных перспектив и ухудшающегося здоровья. Однако решение проблем дефицита трудовых ресурсов возможно не за счёт сокращения расходов на пенсионеров, а иным путём – с помощью позитивного стимулирования их трудовой занятости. Это стимулирование должно осуществляться посредством повышенной индексации пенсии работающим пенсионерам, налоговыми вычетами для работающих пенсионеров, частичной отменой налоговых отчислений за работников-пенсионеров для работодателей, дополнительными льготами, путёвками, расширенными медицинскими страховками. Другими словами, такой доминирующий жизненный смысл работы в пенсионном возрасте, как «вынужденность», должен замещаться «выгодностью», привилегированностью социального статуса работающих пенсионеров из-за их решения о продолжении трудовой занятости. Важное значение имеет направление усилий на повышение качества трудовой занятости в среднем, предпенсионном и пенсионном возрастах за счёт программ непрерывного образования. В итоге предлагаемые меры позволят: 1) улучшить качество жизни и трудовой занятости работающих пенсионеров, 2) повысить уровень благосостояния пенсионеров, 3) увеличить продолжительность жизни, 4) в условиях дефицита рабочей силы задействовать резервы – трудовой потенциал неработающих пенсионеров, заинтересованных в возобновлении трудовой занятости.

Список литературы содержит перечень использованных научных публикаций и источников, релевантных теме диссертационного исследования, на русском и на иностранном языках.

Основные идеи диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1) Ниорадзе Г. В. К вопросу о взаимосвязи шеринг-экономики и прекаризации // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 123–131. DOI 10.31857/S013216250021904-7
- 2) Ниорадзе Г. В. Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? // Социологический журнал. 2022. Том 28. № 4. С. 102–117. DOI 10.19181/socjour.2022.28.4.9317

3) Рязанцев С. В., Ниорадзе Г. В. Трудовой потенциал старшего поколения: межрегиональный анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том. 18. № 1. С. 107–119. DOI 10.19181/lsprr.2022.18.1.9.

4) Воробьева О. Д., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Эволюция подходов к демографическому старению // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 72–84. DOI 10.17213/2075-2067-2022-4-72-84.

б) главы в рецензируемых коллективных монографиях:

1) Ниорадзе Г. В. Прекарное положение пенсионеров: социологический анализ // Прекариат: становление нового класса (опыт социологического анализа) : коллективная монография. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. С. 296–313.

2) Ниорадзе Г. В. Шеринг-экономика и ее связь с прекарризацией // От прекарной занятости к прекарнизации жизни. Москва: ООО "Издательство "Весь Мир", 2022. С. 227–244.

3) Ниорадзе Г. В. Прекарность в производственной организации // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности. Москва: ООО "Издательство "Весь Мир", 2021. С. 260–277.

4) Гневашева В. А., Ниорадзе Г. В. Занятость старшего поколения: влияние пандемии коронавируса // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2020. С. 291–303.

в) публикации в научных изданиях из перечня РИНЦ:

1) Ниорадзе Г. В. "Пожилой" прекариат: социологический анализ // Ломоносов - 2019: Материалы XXVI международного молодежного научного форума. Электронное издание комплексного распространения, Москва, 08–12 апреля 2019 года. Москва: ООО "МАКС Пресс", 2019. С. 1–2.

2) Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Тенденции трудовой занятости пенсионеров в разрезе занятий и видов экономической деятельности в 2017–2022 гг. // Социально-трудовые исследования. 2024. № 54(1). С. 60–72. DOI 10.34022/2658-3712-2024-54-1-60-72.

3) Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Методологические решения в исследованиях эффектов демографического старения населения // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2023. № 1. С. 39–50.

4) Воробьева О. Д., Топилин А. В., Хроленко Т. С., Ниорадзе Г. В. Рынок труда, миграционные процессы, социальное государство в условиях демографического старения в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 153–164. DOI 10.19181/demis.2023.3.4.9.

5) Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Миграция населения и демографическое старение в некоторых странах мира и России за период 1960–2021 гг. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. Т. 20. С. 302–319. DOI 10.47711/2076-318-2022-302-319.

6) Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Демографическое старение населения: региональные российские тренды // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № 6. С. 1230–1235. DOI 10.32687/0869-866X-2022-30-6-1230-1235.

7) Воробьева О. Д., Ниорадзе Г. В., Рубина А. Е. Региональная дифференциация компенсаторного эффекта миграции населения в процессе демографического старения в России // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2022. № 3/4. С. 5–17.